

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны

1945–1989

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63
С56

*Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда,
грант № 16-18-10213*

Авторы разделов и глав:

О. С. Нагорная, доктор исторических наук
(руководитель авторского коллектива);
О. Ю. Никонова, доктор исторических наук;
А. Д. Попов, кандидат исторических наук;
Т. В. Раева, кандидат исторических наук;
Н. А. Трегубов, кандидат политических наук

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Елена Зубкова*
(Институт российской истории РАН, Москва)
профессор, доктор *Николаус Катцер*
(Германский исторический институт в Москве)

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 : коллективная монография / [науч. ред., рук. авт. коллектива О. С. Нагорная]. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 446 с.

ISBN 978-5-8243-2282-8

Глобальное противостояние второй половины XX века нашло свое отражение не только в дипломатических баталиях, гонке вооружений и локальных конфликтах. Холодная война вторглась в научные лаборатории и аудитории университетов, на сцены театров и экраны телевизоров, в пространство выставок и маршруты туристических поездок, изменив жизненные миры обывателей во всех странах мира и эмоциональное восприятие ими целой эпохи. В условиях декларируемого идеологического антагонизма именно проницаемость «железного занавеса» для институтов и участников культурной дипломатии придавала системе определенную гибкость и позволила избежать прямого вооруженного конфликта между сверхдержавами, создав не только военно-стратегический, но и в известном смысле культурно-символический баланс сил в разделенном мире.

Представляемая монография посвящена истории советской культурной дипломатии в условиях Холодной войны. На основе широкого круга малоизвестных источников авторы реконструируют дискурсивное, институциональное, инструментальное и персональное измерения системы внешнеполитических репрезентаций СССР. Перед читателем раскрываются насыщенные конфликтами и противоречиями транснациональные коммуникационные пространства послевоенного периода, трансграничные культурные сети «полпредов без мандата», наиболее значимые советские информационные стратегии и самые яркие медийные образы.

Издание адресовано научно-педагогическим работникам, изучающим и преподающим послевоенную историю СССР, международные отношения, историю дипломатии, политологию, а также широкой аудитории.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-8243-2282-8

© Коллектив авторов, 2018

© Политическая энциклопедия, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Хитросплетение дефиниций: «культурная дипломатия» и связанные с ней понятия в исследованиях зарубежных и отечественных авторов.....	8
1.1. История понятия культурная дипломатия (О.Ю. Никонова).....	8
1.2. Роль культуры во внешней политике: эвристический потенциал теории власти (Н.А. Трегубов).....	23
Глава 2. Не МИДом единым: организационные основы советской культурной дипломатии в послевоенный период (Н.А. Трегубов).....	36
2.1. Аппарат партийного и государственного управления советской культурной дипломатией.....	38
2.2. Организации-исполнители в системе советской культурной дипломатии.....	60
Глава 3. Репрезентации СССР в пространствах межкультурной коммуникации эпохи Холодной войны.....	86
3.1. «Витрины советских достижений»: СССР на международных выставках товаров народного потребления (О.С. Нагорная).....	86
3.2. Культурная дипломатия научного сотрудничества и образовательных обменов в эпоху Холодной войны (О.С. Нагорная).....	96
3.3. Участие СССР в организации и проведении всемирных фестивалей молодежи и студентов (А.Д. Попов).....	121
3.4. Олимпиада-80: внутренние и внешние проекции советского мегасобытия (А.Д. Попов).....	169
3.5. Историческая память как инструмент советской культурной дипломатии (О.С. Нагорная, О.Ю. Никонова, А.Д. Попов).....	202
Глава 4. Миротворчество «по-советски»: дискурсы, практики, ритуалы.....	226
4.1. Против огня войны: риторическое оформление советского миротворчества (Т.В. Раева).....	228

4.2. Институционализация советского миролюбия в условиях биполярного противостояния (<i>Т.В. Раева</i>)	239
4.3. Практики советского миротворчества в контексте Холодной войны (<i>Т.В. Раева</i>).	250
4.4. Международные Ленинские/Сталинские премии мира в советском миротворческом проекте (<i>О.С. Нагорная</i>).	276
Глава 5. Международные туристические связи СССР 1950–1980-х гг. как инструмент «мягкой силы» (<i>А.Д. Попов</i>)	291
5.1. Иностраный (въездной) туризм в СССР и советские «техники гостеприимства»	292
5.2. «Высоко держать честь и достоинство...»: советские туристы как репрезентанты СССР за рубежом.	311
5.3. Специфика международного молодежного туризма эпохи Холодной войны.	332
Глава 6. «Полпреды без мандата»: действующие лица и целевые группы советской культурной дипломатии	349
6.1. Сталинские писатели в когорте послов советской культуры: кейс Константина Федина (<i>Т.В. Раева, О.С. Нагорная</i>).	350
6.2. Лауреаты Международных Ленинских премий мира в орбите интересов советской культурной дипломатии (<i>О.С. Нагорная</i>).	363
6.3. Детское обаяние в арсенале советской культурной дипломатии (<i>О.С. Нагорная, А.Д. Попов, Т.В. Раева</i>)	367
Заключение	391
Список сокращений.	407
Список цитируемой литературы и источников	411

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наблюдаемое сегодня обострение международных отношений, обозначаемое аналитиками как «новая Холодная война» или «ледяная война» (*Ice War*), актуализировало интерес к изучению различных измерений глобального противостояния второй половины XX в., в том числе на коммуникативном и символическом уровне. Исторический опыт показывает, что в условиях декларируемого идеологического антагонизма именно проницаемость «железного занавеса» для институтов и акторов культурной дипломатии придавала системе определенную гибкость и позволила избежать прямого вооруженного конфликта между сверхдержавами, создав не только военно-стратегический, но и в известном смысле культурно-символический баланс сил в разделенном мире.

Изучение культурной дипломатии – феномена, первую попытку описания которого предпринял ещё в середине XX в. американский советолог Фредерик Баргхорн, за последние двадцать лет превратилось в динамично развивающееся научное направление. Исследовательское поле, сложившееся на стыке анализа культуры, дипломатии и международных отношений, стало местом осмысления истории трансатлантической и социалистической интеграций, внутривблоковой и межблоковой коммуникации, культурного противоборства и вынужденного диалога двух, на первый взгляд, предельно враждебных по отношению друг к другу миров. Однако вплоть до последнего десятилетия в научном ландшафте наблюдалось доминирование США как объекта изучения международных отношений, дипломатической истории и культуры Холодной войны¹. Устранение данного дисбаланса путем обращения к анализу культурной дипломатии СССР в послевоенный период открывает возможности для понимания многих явлений, пока не нашедших удовлетворительного объяснения в существующих исследовательских моделях: относительной стабильности блоковых структур и социалистической интеграции,

¹ Рассматривая Холодную войну как глобальный политический и социокультурный феномен, оказавший на развитие человечества столь же мощное влияние, как и Первая, и Вторая мировые войны, авторы монографии предпочитают подобное написание термина – с прописной буквы.

возникновения (н)остальгии по социалистическому прошлому, устойчивости отдельных транснациональных коммуникативных сетей и брендов, переживших крах биполярного мира.

Представляемая читателю коллективная монография является результатом реализации исследовательского проекта «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны» (проект № 16-18-10213), выполнявшегося в Южно-Уральском государственном университете при поддержке Российского научного фонда на протяжении 2016–2018 гг. В задачи исследования входила реконструкция специфики транснациональных культурных пространств в условиях Холодной войны и места в них советских культурно-дипломатических усилий, анализ дискурсивного, институционального и медийного оформления внешнеполитических репрезентаций СССР, описание коммуникативных практик целевых групп и агентов советской культурной дипломатии.

Актуальность обращения к изучению советской культурной дипломатии в период Холодной войны заключается в смене исследовательского ракурса с детерминистского подхода, оценивающего вторую половину XX в. на основе знания о неизбежном развале Советского Союза и крахе социалистической системы, на более дисперсное представление механизмов их функционирования, в том числе в международном контексте. На сегодняшний день в исторической науке назрела необходимость отказа от весьма распространенного, но очень упрощенного образа монолитной «советской империи», основанной исключительно на насильственных методах, в пользу гибких объяснительных моделей её функционирования, направленных на изучение роли Советского Союза в стабилизации и развитии международных отношений, стремление к сочетанию национальных, транснациональных и глобальных перспектив. Исследование советской культурной дипломатии в послевоенный период – период интенсификации и демократизации транснациональных контактов – позволит сместить исследовательскую оптику на уровень акторов, изучить партисипативные претензии и культурную активность отдельных граждан и общественных групп на фоне глобального противостояния государств, политических режимов и социально-экономических систем.

Авторский коллектив выражает благодарность Российскому научному фонду за создание условий для реализации исследовательского проекта, сотрудникам российских и зарубежных архивов и библиотек за помощь, оказанную во время работы с документальными и книжными фондами, руководству и сотрудникам Германского исторического института за создание атмосферы плодотворных научных дискуссий по проблемам культурной дипломатии социализ-

ма в XX в. Авторы благодарят коллег из России, Германии, Австрии, Венгрии, Чехии, Швейцарии, Финляндии, Польши и Словакии за ценные замечания и комментарии, которые стали важным интеллектуальным вкладом в развитие теоретической концепции исследования и осмысление его отдельных тематических полей.

*Оксана Нагорная,
Ольга Никонова,
Алексей Попов,
Татьяна Раева,
Никита Трегубов*

ГЛАВА 1
ХИТРОСПЛЕТЕНИЕ ДЕФИНИЦИЙ: «КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»
И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ПОНЯТИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗАРУБЕЖНЫХ
И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ АВТОРОВ

1.1. История понятия «КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Развал Восточного блока и крах СССР придали мощный импульс развитию научных концепций изучения Холодной войны, формирование которых началось уже в 1960-е гг. и происходило под влиянием быстро набиравших популярность социально-исторических и культурно-исторических подходов к интерпретации прошлого¹. Можно утверждать, что сегодня в сообществе исследователей, изучающих послевоенный мир, существует консенсус, хорошо выраженный Жилем Скотт-Смитом: «Нарратив об абсолютном антагонизме Холодной войны, кажется, все больше и больше рассматривается как вводящий в заблуждение и ошибочный, как нарратив, который необходимо заменить на более дифференцированную и интеллектуально привлекательную интерпретацию». Широкую популярность завоевывает трактовка Холодной войны Берндта Штёвера, предложившего рассматривать ее как конфликт, который «не только повлиял на развитие глобально, но и пытался охватить каждый уголок общественной и частной жизни»². Динамичное развитие таких направлений, как глобальная и транснациональная история, поставило вопрос о расширении национально-ориентированной перспективы анализа тенденций Холодной войны до панорамного взгляда на историю феноменов, для которых границы не были непроницаемыми, историю трансфера и взаимовлияний, историю «своего» в «интернациональном контексте», влияния глобальных тенденций на национальное и региональное развитие. Перенастройка исследовательской оптики под влиянием культурно-исторического подхода привела к появле-

¹ Размышления о причинах эволюции Cold War studies см. подробнее в: Mitter R., Major P. (eds.) *Across the Blocs. Cold War Cultural and Social History*. London, 2004. P. 1–5.

² Stoeber B. *Der Kalte Krieg, 1947–1991. Geschichte eines radikalen Zeitalters*. Muenchen, 2007. S. 464, 465.

нию обширного корпуса научной литературы, посвященной культуре Холодной войны, благодаря которой сегодня можно увидеть не только различия и борьбу двух миров, но и их сходство, не только соревнование политическое и экономическое, но и конкуренцию идеологий и культурных ценностей. Результатом стало понимание особой роли культуры в эпоху Холодной войны, четко сформулированное в словаре транснациональной истории Акира Ирие и Пьер-Ива Саньера: «Культура и идеология были ключевыми темами борьбы за умы людей и территории, на которых они жили. В результате в Европе, Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Азии Холодная война способствовала тому, что культура и культурные отношения стали беспрецедентно привилегированной сферой... Никогда ранее (и никогда более) правительства, доминирующие власти, некоммерческие организации и индивидуумы не инвестировали столько денег, энергии и интеллектуальных усилий в продвижение науки, политического диалога, искусства, академических обменов и культурную саморепрезентацию»³.

Концепцию культурной дипломатии можно считать попыткой отразить специфику Холодной войны за пределами военно-политического противостояния, борьбу и сотрудничество в области культуры и идеологии. За последние 20 лет ее изучение превратилось в этаблированное научное направление⁴. Термин «культурная дипломатия» был введен в научный оборот в начале 1960-х гг., хотя признаки явления, которое он описывает, современные исследователи фиксируют в различных исторических эпохах. Ричард Т. Арндт – бывший представитель американской культурной дипломатии, культурный атташе США в различных странах и автор книги «*The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the 20th Century*» – открывает свое исследование характеристикой культурных отношений (cultural relations), которые он относит к культурно-дипломатическим феноменам и считает неотъемлемой частью социальной жизни людей начиная с бронзового века⁵. Наиболее последовательными сторонниками целенаправленной внешней культурной политики эпохи Нового времени он считает французов, которые с эпохи Ришелье и «короля-

³ Iriye A., Saunier P.-Y. (eds.). *The Palgrave Dictionary of Transnational History*. Macmillan Publishers LTD, 2009. P. 175–176.

⁴ Gienow-Hecht J.C.E. *What Are We Searching For? Culture, Diplomacy, Agents and the State*// Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. (eds.). *Searching for a cultural diplomacy*. Berghahn Books, 2013. P. 3.

⁵ Arndt R.N. *The First Resort of Kings: American Cultural Diplomacy in the 20th Century*. Washington, 2005.

солнца» стремились раздвинуть рамки франкофонии за счет популяризации французского языка и культуры⁶.

К числу пионеров использования термина «культурная дипломатия» для целей научного анализа чаще всего относят американского советолога Фредерика Баргхорна. В 1960 г. он опубликовал аналитическое исследование «культурного наступления» СССР, начавшегося при Н.С. Хрущеве⁷. Через год после выхода книги в США она была переведена на русский язык и издана в СССР для ограниченного пользования. Вернее всего, концепт культурной дипломатии попал в научный дискурс из американской политической практики, как это произошло десятилетие спустя с публичной дипломатией⁸. Джессика Гинов-Гехт упоминает, что за год до публикации книги Баргхорна Госдепартамент США определил культурную дипломатию как «прямые и прочные контакты между народами разных стран, существующие для того, чтобы помочь создать атмосферу роста международного доверия и понимания, в рамках которой будут развиваться официальные отношения»⁹. Американская историография, изучавшая в тот период трансфер культурных ценностей и культурные связи США с заграницей, оперировала тогда понятием «внешняя политика в области культуры»¹⁰.

С момента своего появления термин «культурная дипломатия» неоднократно истолковывался и интерпретировался в научной литературе в связи с развитием различных подходов в политической науке, теории международных отношений и истории, но так и не был «отлит» в четкую формулировку и операционализирован, то есть сведен к набору индикаторов, позволяющих «измерить» эффективность культурной дипломатии. Необходимо отметить, что сегодня достаточно часто термин культурная дипломатия встречается в научной литературе как *common sense* – понятие, не требующее специального пояснения. Ситуация осложняется тем, что концептов, описывающих сферу взаимодействия различных государств, лежащую

⁶ Arndt R.N. The First Resort of Kings... P. 8–10; Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. The Model of Cultural Diplomacy. Power, Distance, and the Promise of Civil Society // Searching for a cultural diplomacy... P. 16–17.

⁷ Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.

⁸ См.: Gregory B. Public Diplomacy: Sunrise of an Academic Field // Annals. AAPSS. 2008. № 616. P. 274–290.

⁹ Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. The Model of Cultural Diplomacy... P. 13.

¹⁰ См.: Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. С. 105.

за пределами традиционной дипломатии, военно-политического или экономического сотрудничества, к настоящему моменту существует множество. В частности, наряду с термином «культурная дипломатия» используются понятия «публичная дипломатия», «мягкая сила», «внешнеполитическая пропаганда», «внешняя культурная политика» и др. Историографический обзор, включающий наряду с американской европейскую и российскую литературу, показывает, что в историческом цехе достаточно много ученых, тяготеющих к использованию дипломатического и политологического словаря (понятием «мягкая сила», «внешнеполитическая коммуникация» и т. д.)¹¹.

Возможно, процедура операционализации, характерная в первую очередь для социологии, и не является первоочередной задачей исторического анализа культурной дипломатии. Для культурно-исторически ориентированного исследования важно описать и контекстуализировать изучаемые явления как в рамках определенной эпохи, так и в связи с используемыми подходами. Однако понимание многообразия и эволюции представлений о культурной дипломатии может способствовать выявлению связи и взаимоотношения используемого термина/концепта с другими понятиями исторической науки и смежных гуманитарных дисциплин, а также предложить собственную интерпретацию культурной дипломатии.

Согласно определению Баргхорна 1960 г., культурная дипломатия означает «использование материальных культурных ценностей и работников культуры в пропагандистских целях». Он подчеркивал связь понятия культурная дипломатия с пропагандой, отмечая, во-первых, что «она представляет собой определенную область правительственной пропаганды, область особую и очень важную». Во-вторых, Баргхорн подчеркивал, что цели культурной дипломатии совпадают с целями пропаганды: ненасильственными средствами и та, и другая «принуждают» людей вести себя так, как этого желает субъект пропаганды / культурной дипломатии¹². Таким образом, американский советолог сразу же создал «поле напряжения» между концептами культурной дипломатии и пропаганды, которое существует и до настоящего времени, вызывая споры о том, корректно или нет сводить первое ко второму.

В 1970-е гг. в политической практике американского правительства появилось понятие публичной дипломатии (public diplomacy), а к концу Холодной войны дипломатия культурная в американской

¹¹ Nagornaia O., Nikonova O. Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit. Ein Ueberblick ueber die neuesten Veroeffentlichungen // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2018. № 2 (66). P. 274–298.

¹² Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. New York, 1960. P. 16.

историографии оказалась вытеснена новой находкой на периферию политологической терминологии. Сегодня в США термин «публичная дипломатия» особенно популярен. Как утверждает Наталья Цветкова, в последние годы по данной теме «появилось несколько тысяч новых книг и статей»¹³. Определение, возникшее первоначально для обозначения информационных программ Белого дома за рубежом, так же, как и культурная дипломатия, какое-то время существовало в условиях напряженного противостояния с концептом пропаганды. Сегодня, согласно данным российского исследователя, существует несколько десятков дефиниций публичной дипломатии. Обзор этого множества она начинает классическим определением Эдмунда Гуллиона, понимавшего под публичной дипломатией в 1965 г. «совокупность проектов Информационного агентства США», влияющих на общественное мнение за рубежом. Из терминологической палитры Цветкова выделяет определение Ника Кулла, который считает, что «публичная дипломатия – это проекты в области культуры, программы обменов, краткосрочные информационные кампании (*advocacy*), международное вещание и мониторинг зарубежного общественного мнения (*listening*)»¹⁴. Как следует из диссертации российского ученого, чаще всего на особенности использования термина «публичная дипломатия» влияет область профессиональной деятельности автора: специалисты в сфере коммуникации склонны подчеркивать значимость информационного воздействия на зарубежную аудиторию, историки и антропологи, активно пользующиеся понятием «культура», расширительно толковать публичную дипломатию, включая в нее образовательные обмены, культурные программы и мероприятия, а политологи трактовать публичную дипломатию как инструмент для реализации «мягкой» или «умной» силы государства¹⁵.

Трудно переоценить влияние на трактовку феномена культурной дипломатии политологических открытий последних лет, в частности, понятия «мягкая сила» Джозефа Ная. Оно было введено в научный оборот американским исследователем в работе 1990 г. «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»¹⁶ и получило очень широкое распространение как в академической, так и в неакадемической (политической, экспертной, публицистической) среде.

¹³ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 8, 25.

¹⁴ По мнению Н.А. Цветковой, новизной в данном определении являются два компонента – информационные кампании (*advocacy*) и мониторинг зарубежного общественного мнения (*listening*). См.: Там же. С. 22–25.

¹⁵ Там же. С. 26.

¹⁶ Nye J.S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.

В современной научной литературе можно встретить множество трактовок термина «мягкая сила». В отдельных случаях мягкая сила понимается как отношение между двумя акторами мировой политики, один из которых оказывает влияние на другого с помощью «мягких» средств воздействия¹⁷. Однако чаще всего мягкая сила рассматривается как способность одной страны формировать предпочтения другой через установление повестки¹⁸ и привлечение, а не посредством материального стимулирования (подкупа) и принуждения¹⁹. Преимуществом трактовки мягкой силы как способности является возможность четкого разграничения данного термина с понятием «публичная дипломатия». Так как под дипломатией принято понимать деятельность по осуществлению внешней (международной) политики государства²⁰, то под публичной дипломатией в самом общем виде подразумевается особый вид внешнеполитической деятельности. Исходя из этого, понятия «мягкая сила» и «публичная дипломатия» уместнее всего сопоставить следующим образом: публичная дипломатия – это деятельность, посредством которой осуществляется

¹⁷ Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» («soft power») в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. № 10. С. 173–192; Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в современной мировой политике: измерение неуловимой реальности // Политэкс. 2014. Т. 10. № 1. С. 79–93; Юдин Н.В. Системное прочтение феномена мягкой силы // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 96–104.

¹⁸ Формирование/определение/установление повестки рассматривается здесь как определение набора наиболее важных проблем, которые субъект культурной дипломатии будет артикулировать в процессе культурно-информационного воздействия на объект: См., например: McCombs M., Stroud N.J. Psychology of Agenda-Setting Effects. Mapping the Paths of Information Processing // Review of Communication Research. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 68–93.

¹⁹ Разновидностью подобных подходов следует признать «ресурсные» трактовки мягкой силы, например, рассмотрение ее в качестве набора «мягких» инструментов внешнеполитического воздействия. См., например: Whitney C.B., Shambaugh D. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion. Chicago, 2009; McClory J. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. London, 2010; Rapid-growth Markets Soft Power Index. Spring 2012. EYGMLimited, 2012; Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 02.08.2018); и др.

²⁰ См., например: Попов В.И. Современная дипломатия – теория и практика. М., 2000.

продвижение (трансляция или «продажа») основных компонентов мягкой силы государства²¹.

Особенности национальных дискурсов делают методологическое «поле» изучения культурной дипломатии еще более необъятным, диверсифицируют его не только по «хронологической» вертикали, но и по «географической» горизонтали. Так, во Франции предпочитали и предпочитают термин «внешняя культурная политика», советская историография активно изучала международные культурные связи, в англоязычном пространстве наряду с дипломатическими американизмами широкое хождение имели понятия «культурные дела» и «культурный обмен» (*cultural affairs and cultural exchange*), китайские ученые пишут о «народной дипломатии»²².

В теоретическом введении к сборнику «*Searching for a cultural diplomacy*»²³ Гинов-Гехт и Марк Донфрид поясняют, что дефиниции рубежа 1950-х – 1960-х гг. с течением времени дополнились новыми вариантами, характеризующими как функциональные, так и связанные с субъектностью аспекты культурной дипломатии. Так, Арндт определяет культурную дипломатию как культурные отношения, оказавшиеся под контролем и на службе «государственных» и национальных интересов. Их реализацию при этом берут на себя дипломаты, которые в соответствии со сферой их деятельности отныне носят титулы культурных атташе или культурных дипломатов. При этом, как подчеркивают Гинов-Гехт и Донфрид, культурные отношения и культурная дипломатия для Арндта изначально находятся в дихотомичных отношениях. Культурные отношения – первичны и развиваются органично, без необходимости государственного контроля и руководства. И лишь с появлением осознанного государственного интереса в формировании положительного имиджа страны за рубежом появляется культурная дипломатия²⁴. Отсюда принципиальным является вопрос о «политизированности» или «аполитичности» культурной дипломатии. Американский историк, исходя из своего опыта

²¹ Nye J.S.Jr. *Public Diplomacy and Soft Power...*; *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts*. Lanham, 2012.

²² См., например: Галенович А.Ю. Народная дипломатия в теории и практике внешней политики Китайской Народной Республики. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; Евдокимов Е.В. «Народная дипломатия» КНР. Массовость как феномен китайской внешнеполитической пропаганды // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 285–289; и др.

²³ Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. (eds.). *Searching for a cultural diplomacy...*

²⁴ Arndt R.N. *The First Resort of Kings...* P. XVIII; Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. *The Model of Cultural Diplomacy...* P. 13–14.

культурного атташе, считает, что «культурная дипломатия, очевидно, находится под политическим влиянием»²⁵.

Так что же представляет собой сегодня понятие и концепт культурной дипломатии? Во-первых, необходимо отметить, что в политической науке и практике продолжается конкуренция двух дипломатий – публичной и культурной. Сторонники четкого разграничения терминов публичная и культурная дипломатия чаще всего обращают внимание исключительно на функциональные аспекты феноменов. В частности, одни исследователи настаивают на том, что публичную дипломатию – внешнеполитическую деятельность в сфере распространения информации – необходимо строго отделять от культурной дипломатии – международных программ в области культуры и образования²⁶. К числу представителей данного подхода следует отнести авторов, дающих относительно «узкие» определения публичной и культурной дипломатии. Например, они трактуют публичную дипломатию как краткосрочный информационный инструмент, направленный на продвижение определенного «послания» или дискурса и позитивного образа государства²⁷, а культурную – как долговременный способ влияния на иностранную аудиторию посредством программ в области культуры и образования²⁸. Отметим, что при стремлении к функциональной конкретизации обоих терминов анализируемые аспекты внешнеполитической активности будут неизбежно частично «накладываться» друг на друга, поскольку информационная актив-

²⁵ Arndt R.N. The First Resort of Kings... P. XIX.

²⁶ В организационном плане реализацию данного подхода можно проследить на примере США, где на протяжении продолжительного времени существовали для специализированных подразделения Государственного департамента – Информационное агентство США и Бюро образовательных и культурных программ. См.: Aguilar M. Cultural Diplomacy and Foreign Policy: German-American Relations, 1955–1968. New York, 1996; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 25–26.

²⁷ Melissen J. The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations. Basingstoke, New York, 2007. P. 17.

²⁸ Фокин В.И. Формирование содержания понятий «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия» в международной деятельности современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2003. № 2. С. 125–130; Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Теоретические аспекты проблемы внешней культурной политики // Америка и мир. История и современность. Сборник статей. СПб., 2006. С. 277–280; Дэвид-Фокс М. Указ. соч. С. 41–42.

ность государства за рубежом часто «обслуживает» его культурные и образовательные программы²⁹.

Сторонники противоположного подхода – отождествления двух терминов – обращают внимание на то, что и тот, и другой вид дипломатии направлен на формирование общественного мнения за рубежом³⁰. Они, как правило, дают максимально широкие определения публичной и культурной дипломатии³¹ и включают в «набор» дипломатических методов все формы культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию³². В сегодняшнем англо-американском научном дискурсе культурная дипломатия часто анализируется как часть публичной дипломатии, связанная с реализацией внешнеполитических программ в области культуры и образования³³. По мнению Кулла, эта деятельность «представляет собой попытку “управлять” международным окружением с помощью превращения [национальных] культурных ресурсов и достижений за рубежом в узнаваемые и/или содействия их культурной трансляции за рубеж»³⁴.

В современной исторической литературе попытки определить, что такое культурная дипломатия, встречаются не так часто. Гинов-Гехт и

²⁹ Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 31–32.

³⁰ Belmonte L.A. *Defending a Way of Life: American Propaganda and the Cold War, 1945–1959*. Ph.D. diss., University of Virginia, 1996; Hixson W. *Parting the Curtain: Propaganda, Culture, and the Cold War, 1945–1961*. New York, 1997; Голубев А. «Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–30-х гг. М., 2004. С. 5; Cull N.J. *Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase* // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / Snow N., Taylor P.M.; eds. London; New York, 2009. P. 19–23; и др.

³¹ Nye J.S.Jr. *Public Diplomacy and Soft Power* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 616. P. 94–109; Osgood K., Etheridge B. *Introduction: The New International History Meets the New Cultural History: Public Diplomacy and U.S. Foreign Relations. The United States and Public Diplomacy: New Directions in Cultural and International History* // Osgood K.A., Etheridge B.C., eds. Leiden, Boston, 2010. P. 1–28; Hayden C. *The Rhetoric of Soft Power: Public Diplomacy in Global Contexts*. Lanham, 2012. P. 11.

³² Cull N.J. *Op. cit.* P. 19; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 26; и др.

³³ См.: Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public Diplomacy*. London, 2002. P. 4; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 113–114.

³⁴ Цит. по: Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. *The Model of Cultural Diplomacy...* P. 14.

Донфрид отмечают, что наиболее часто культурная дипломатия упоминается как «национальная политика, направленная на поддержку экспорта репрезентативных образцов культуры этой нации в целях достижения внешнеполитических целей»³⁵. В программной статье, посвященной советской культурной дипломатии, Найджел Гоулд-Дэвис использует этот термин наравне с культурными отношениями³⁶. Некоторые российские исследователи, например, Александр Голубев, по сути продолжают традиции, заложенные Баргхорном и Арндтом, подразумевая под культурной дипломатией «использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей»³⁷. В работах американского историка Майкла Дэвида-Фокса культурная дипломатия определяется как «систематическое включение культурного аспекта во внешние отношения или формальное выделение внимания и ресурсов культуре в рамках внешней политики»³⁸.

Существуют примеры, когда историки отказываются от использования термина «культурная дипломатия» как методологического инструмента. Так, Тобиас Рупрехт предпочел иной концепт, указав на то, что, во-первых, сложно провести границу между пропагандой и культурной/публичной дипломатией, а во-вторых, культурная дипломатия предполагает достижение политических целей. Ограничение изучаемых явлений теми, что так или иначе связаны с политикой, обедняет, с его точки зрения, комплексное видение культурных мероприятий, направленных на создание определенного имиджа страны за рубежом. Также такой фокус исследования чаще всего не учитывает «обратное воздействие» внешней культурной политики на политическую, творческую элиту субъекта культурной дипломатии и население страны³⁹, что подчеркивает в своей монографии и Дэвид-Фокс.

Для обозначения перекрестного влияния культурной внешней политики супердержав друг на друга, на их «саморепрезентации» на международной арене и внутри стран Рупрехт применяет понятие «культурный интернационализм» (cultural internationalism), активно

³⁵ Ibid. P. 13.

³⁶ Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. 2003. № 27(2). P. 193–214.

³⁷ Цит. по: Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»... С. 5.

³⁸ David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford University Press, 2012. P. 14.

³⁹ Rupperecht T. Soviet Internationalism after Stalin. Interaction and Exchange between the USSR and Latin America during the Cold War. Cambridge, 2015. P. 26–27.

используемое специалистом по транснациональной истории Акирой Ирие⁴⁰. Идея «кооперации» между различными нациями, возникшая в XIX в., эволюционировала на протяжении XX в. во всех сферах – политической, экономической и, конечно же, культурной. Иногда, подчеркивает А. Ирие, термины «интернациональный» и «транснациональный» используются как синонимы, хотя сам автор склонен их разводить: «Под интернационализмом подразумевается сотрудничество между нациями, будь то в политических, экономических или в культурных делах. Международные организации, такие, как Лига Наций и Организация Объединенных Наций, являются наиболее известными примерами политического интернационализма, хотя при этом они также занимаются культурной работой. Например, Лига Наций учредила Комитет по интеллектуальному сотрудничеству в целях содействия трансграничному диалогу и обменам. Этот комитет был предшественником ЮНЕСКО, с его прямым заявлением о том, что мир между народами зависит от межкультурного взаимопонимания. Культурный транснационализм одобрил бы такое утверждение, с поправкой, что оно не обязательно должно зависеть от политики отдельных правительств или реализовываться с помощью межправительственных организаций. Сотрудничество между негосударственными субъектами разных стран в целях достижения культурных целей, подпитывания универсальных человеческих устремлений и эмоций, культивирования взаимопонимания между расами, религиями и цивилизациями – все это характеризует культурный транснационализм. На самом деле, конечно, часто происходит так, что культурный интернационализм и культурный транснационализм объединяются, как это произошло, например, когда много частных фондов, университетов и исследовательских организаций работали с различными правительствами для продвижения проекта Лиги Наций по интеллектуальному сотрудничеству. Но концептуально эти два понятия не следует сочетать или путать»⁴¹. Вероятно, необходимо подчеркнуть, что термин «культурный интернационализм/транснационализм» образует дихотомическую пару с термином «культурный империализм», за которым стоит целый пласт «традиционной» историографии Холодной войны, акцентировавшей внимание на военном соперничестве, политическом и культурном противостоянии двух супердержав и их сателлитов.

Обобщая промежуточные итоги изучения культурной дипломатии, Гинов-Гехт и Донфрид отмечают, что определение культурной

⁴⁰ См.: Iriye A. *Cultural Internationalism and World Order*. Baltimore, 1997.

⁴¹ Iriye A. *Global and Transnational History: The Past, Present, and Future*. Palgrave MacMillan, 2013. P. 48–49.

дипломатии сегодня остается «неустойчивым» (shaky). Основные методологические «слабости» концепта коренятся в жесткой привязке культурной дипломатии к нациям и государствам как субъектам дипломатии, в объяснении целей и задач этой деятельности исключительно внешнеполитическими императивами и стратегиями. При таком подходе теоретическое осмысление оказывается в плену исторической картины: если до XX в. культурная дипломатия оставалась «неформальным делом», то после Первой мировой войны отношение к международным культурным связям в разных странах кардинально изменилось, что привело к превращению культуры в государственное «дело». Однако все больше исследователей воспринимают концепт «огосударственной» культурной дипломатии как не совсем адекватную методологическую матрицу. Своеобразным выходом из методологического «тупика» стал концепт коммуникации, который позволяет вывести термин «культурная дипломатия» на другой уровень осмысления, для которого «приписывание» агентов взаимодействия к государству или нации нерелевантно. В этом случае, как подчеркивает Соня Гроссмани, культурная дипломатия охватывает «культурное измерение дипломатической коммуникации по ту сторону ее присущего ей содержания, то есть культурные контексты, символы, ритуалы, восприятия, рецепции и обратное воздействие на участвующих акторов»⁴².

Другой важный аспект – диверсификация представлений о моделях культурной дипломатии, отказ от представлений об «эталонности» культурной дипломатии США или ее супердержавы – противника Советского Союза. Изучение европейских и неевропейских примеров культурно-дипломатической деятельности показывает, как утверждают Гинов-Гехт и Донфрид, существование многочисленных «отклонений» от «американской модели»⁴³. Отметим, что появление работ о различных моделях культурной дипломатии относится к важнейшим изменениям, происходящим с анализируемым концептом в последнее десятилетие. Особенно быстро растет интерес к процессам и явлениям, происходившим в социалистическом лагере. Расширение исследовательских горизонтов, по мнению Гоулд-Дэвиса, должно повлечь за собой пересмотр многих устоявшихся историографических стереотипов. Включение в общую картину советской культурной дипломатии поможет лучше понять «развитие

⁴² Großmann S. Sowjetische Freundschaftsgesellschaften in Westeuropa. Instrumente und Akteure der Cultural Diplomacy im Kalten Krieg (1945–1991). Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie. Tübingen, 2017. S. 25.

⁴³ Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C. The Model of Cultural Diplomacy... P. 20.

культурных отношений, не только потому, что взаимоотношения требуют согласия обеих сторон, но и потому... что именно Советский Союз диктовал темп их развития»⁴⁴. Похожие идеи высказывают и другие исследователи культурной дипломатии⁴⁵.

Позволим себе подкрепить выводы известных специалистов в области изучения культурной дипломатии собственными размышлениями. Если подходить к культурной дипломатии с точки зрения истории понятий, то необходимо вспомнить, что понятия, с одной стороны, «указывают на социальные феномены и их изменения, являясь их индикаторами», а с другой, сами являются «факторами изменения общественного сознания»⁴⁶. Предложенный Баргхорном термин «культурная дипломатия» отражал новые тенденции во взаимоотношениях государств с разным общественным устройством, которые появились после смерти И.В. Сталина в 1953 г. Расширение возможностей для культурного диалога было закреплено СССР в международных правовых актах⁴⁷, среди которых было и первое соглашение с США – соглашение Лейси – Зарубина 1957 г. Советский внешнеполитический дискурс был диверсифицирован и вуалировал задачи расширения социалистического влияния посланиями о защите мира или интернациональной дружбы. Произшедшие изменения нашли отражение в языке эпохи. Если во второй половине 1940-х гг. в планах ВОКС и отчетах «друзей СССР» обычно встречаются рассуждения о противоборстве «нашей» и «реакционной пропаганды», характеристика своей работы как «пропагандистических мероприятий» и «пропагандных импрез», то начиная со второй половины 1950-х гг. официальные советские документы чаще оперируют терминами «культурные связи», «культурное сотрудничество», «культурные отношения», «культурные и научные обмены». Смена терминологии позволяла в числе прочего лучше охватить растущее многообразие форм и методов культурной экспансии СССР: в это

⁴⁴ Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // *Diplomatic History*. 2003. Vol. 27 (2). P. 193–194.

⁴⁵ Vowinckel A., PaykM.M., Lindenberger Th. (eds.). *Cold War Cultures. Perspectives on Eastern and Western European societies*. New York, Oxford, 2012; Romijn P., Scott-Smith G., Segal J. (eds.). *Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West*. Amsterdam University Press, 2012.

⁴⁶ Зарецкий Ю., Левинсон К., Ширле И. Предисловие // *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. 2-е изд. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле. М., 2016. Т. 1. С. 10.*

⁴⁷ По данным С.К. Романовского, к 1965 г. культурные связи СССР с другими странами были закреплены 57 межправительственными соглашениями. См.: Романовский С.К. *Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966. С. 9.*

время деятельность информационного характера (выставки, лекции, снабжение литературой) была дополнена фестивалями, спортивными состязаниями, формированием положительного образа советского государства с помощью демонстрации культурных достижений за рубежом и туризма. Предлагая термин «культурная дипломатия», Баргхорн попытался отразить в нем эти изменения. Амбивалентность взаимоотношений культурной дипломатии и пропаганды в тексте Баргхорна становится понятной, если обратить внимание на более широкий исторический контекст: концепт культурной дипломатии начал проникать в научный дискурс в век пропаганды и был впервые использован для анализа советского «государства пропаганды»⁴⁸. Нельзя упускать из виду также, что цель американского советолога состояла в том, чтобы убедить собственное правительство в необходимости «широко практиковать искусство» культурной дипломатии, гораздо более развитое, по его мнению, в социалистических странах. Для этого автор стремился подчеркнуть те ее черты, которые казались ему в СССР наиболее опасными и чуждыми, – пропагандистский характер, доходящий до обмана, индоктринированность или двоемыслие советских граждан, которых государство использовало как идеологическое «оружие»⁴⁹.

Сегодняшняя популярность понятия «культурная дипломатия» отражает как неудовлетворенность исследователей сведением культурной активности государств за рубежом к пропаганде, так и реальное усложнение форм и методов такой активности за прошедшие десятилетия, вовлечение в нее неправительственных институтов и международных организаций, возрастание роли частной инициативы, изменение медийных технологий. Само понятие становится все более объемным и гибким за счет распространения на множество аспектов культурных связей и отношений, расширения представлений об агентах, субъектах и объектах культурно-дипломатической деятельности, альтернативных пропаганде инструментах и каналах культурного влияния. Оно попадает под воздействие культурно-ориентированных исторических методологий, и в результате концепт культурной дипломатии уже предполагает вопросы о взаимоотношениях акторов культурной дипломатии (культурных атташе, представителей творческой интеллигенции, сочувствующих коммунистическим идеям «левых» на Западе и др.) с властными институтами и степени их персональной свободы, о роли партийного контроля и

⁴⁸ См. определение, данное П. Кенезом советскому государству: Kenez P. *The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilization, 1917–1929*. Cambridge, 1985.

⁴⁹ Баргхорн Ф. Советское культурное наступление... С. 16–18.

влияния органов безопасности на деятельность общественных организаций и обществ дружбы, о культуртрегерских функциях ученых, художников, певцов и туристов в отношениях между странами⁵⁰, о влиянии инокультурного пространства и длительного опыта пребывания в транснациональных средах на складывание лоскутных (patchwork) или гибридных идентичностей.

Представляется, что плодотворным является обращение к понятию «коммуникация», которое способно отразить произошедшие исторические, историографические и методологические изменения. Концепт политической коммуникации за вторую половину XX в. прошел характерный для культурной дипломатии эволюционный путь, обусловленный стремлением уйти от дискредитировавшего себя исторически понятия пропаганды. Сегодня изучение политической коммуникации и феноменов культурной дипломатии роднит интерес к пяти вопросам Гарольда Лассуэлла («*кто говорит, что, кому, через какие каналы и с каким эффектом*»), представление о том, что политическая коммуникация всегда опосредована медиа и межличностной коммуникацией, интересом к целевым аудиториям и контекстам, которые опосредуют восприятие послания. Вероятно, культурную дипломатию можно понимать как особенный вид политической коммуникации, который ориентирован как на зарубежную, так и на внутреннюю аудиторию и нацелен на формирование позитивного образа страны / сообщества стран – субъектов коммуникации. Акторами этой коммуникации могут быть не только государственные органы, но и общественные / формально общественные организации и индивиды. Культурная дипломатия является инструментом реализации «мягкой силы» государства, используя, в частности, такой ресурс, как культура, которая понимается в самом широком смысле слова и включает в себя не только так называемую высокую культуру, но и культуру массовую, повседневную, потребительскую. Особенности реализации культурно-дипломатической коммуникации связаны со спецификой политического режима страны. В обществах авторитарного типа (например, в социалистическом лагере) культурная дипломатия сближается по формам и методам работы, содержанию «посланий» и формируемой медийной повестке с внешнеполитической пропагандой. При этом нельзя утверждать, что существуют типичские, ориентированные на страны-лидеры блоков модели культурной дипломатии в эпоху Холодной войны. Как показывает анализ эмпирического материала, значительную роль в формировании модели культурной дипломатии играет культурная традиция, исторический контекст и субъективный фактор.

⁵⁰ См., например: Scott-Smith G., Krabbendam H. (eds.). *The Cultural Cold War in Western Europe 1945–1960*. London, 2004. P. 2–10.

1.2. РОЛЬ КУЛЬТУРЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ ВЛАСТИ

Начало современных научных дискуссий о природе и сущности власти принято датировать серединой XX в. Основные направления научного анализа власти подробно описаны в работах Гарольда Лассуэлла и Абрахама Кэплэна⁵¹, Питера Бэкрэка и Мортон Бэрэтца⁵², Стивена Льюкса⁵³, Денниса Ронга⁵⁴, Валерия Ледяева⁵⁵ и ряда других авторов. Опыт использования понятия «власть» в теории международных отношений проанализирован в исследованиях Дэвида Болдуина⁵⁶.

В свете рассматриваемой темы наибольший интерес представляют следующие теоретические вопросы, связанные с изучением власти:

1) какова сущность власти: является ли власть способностью, потенциалом субъекта (атрибутивные теории власти) или она представляет собой актуальное субъект-объектное взаимодействие (реляционные теории власти);

2) кого следует считать главными участниками властных отношений – субъектами и объектами власти, как соотносятся друг с другом индивидуальные и коллективные формы власти;

3) является ли цель (намерение) субъекта обязательным компонентом власти, следует ли относить к власти случайное, ненамеренное воздействие субъекта на объект;

4) какова непосредственная цель властного воздействия; следует ли трактовать власть как «власть над кем-либо» (непосредственная цель – подчинение объекта) или же ее необходимо рассматривать как «власть сделать что-либо» (непосредственная цель – получение желаемого результата, решение насущной проблемы);

5) как соотносятся друг с другом цели субъекта и интересы объекта власти; направлена ли власть всегда исключительно против интересов объекта («конфликтные» теории власти) или же она мо-

⁵¹ Lasswell H.D., Kaplan A.K. *Power and Society*. New Haven, 1950.

⁵² Bachrach P., Baratz M.S. *Power and Poverty: Theory and Practice*. New York, London, Toronto, 1970.

⁵³ Lukes S. *Power: A Radical View*. Basingstoke and London, 1974.

⁵⁴ Wrong D.H. *Power: Its Forms, Bases, and Uses*. With a New Preface. Oxford, 1988.

⁵⁵ Ledyev V.G. *Power: A Conceptual Analysis*. New York, 1998.

⁵⁶ Baldwin D.A. *Power and International Relations // Handbook of International Relations / W. Carlsnaes W., T. Risse, B.A. Simmons (eds.)*. London, 2012. P. 273–297; Baldwin D.A. *Power and International Relations: A Conceptual Approach*. Princeton, 2016.

жет/должна согласовываться с интересами объекта («консенсусные» трактовки власти);

б) какую роль в осуществлении власти играют ресурсы, непосредственно контролируемые субъектом (внутренние качества субъекта – знания, умения, навыки; находящиеся в распоряжении субъекта средства воздействия на объект – оружие, деньги и т. п.), а также внешние «правила игры», в рамках которых выстраивается властное взаимодействие; как соотносятся уровень власти субъекта над объектом с характером распределения ресурсов между ними;

в) каковы основные формы подчинения объекта властному воздействию субъекта; чем отличаются друг от друга первое, второе и третье «лица» власти (власть обязывающего решения; власть контроля над повесткой; власть как следствие изменения субъектом целей, интересов, желаний объекта)⁵⁷.

Названные линии теоретического анализа власти позволяют упорядочить и содержательно интерпретировать существующие в современной науке представления о культурно-информационных компонентах внешней политики государства.

Соотношение атрибутивных и реляционных трактовок культурно-информационного взаимодействия в сфере внешней политики наиболее четко прослеживается при сопоставлении содержания понятий «мягкая сила», с одной стороны, и «культурная (публичная) дипломатия», с другой. Как было рассмотрено выше (см. § 1.1), мягкая сила чаще всего трактуется как *способность* страны оказывать культурно-информационное воздействие на других участников международных отношений. В свою очередь, понятия культурной и публичной дипломатии в большинстве случаев отождествляются с внешнеполитической *деятельностью*, посредством которой осуществляется продвижение основных элементов мягкой силы⁵⁸. Это

⁵⁷ В ряде работ в качестве четвертого «лица» власти упоминается «дисциплинарная власть» М. Фуко – подчинение людей с помощью дисциплинарного воздействия, присущего психиатрии, медицине, криминологии и социальным наукам (см., например: Digester P. The Fourth Face of Power // The Journal of Politics. 1992. Vol. 54. No 4. P. 977–1007). Вместе с тем, если по источнику воздействия и сфере подчинения объекта «дисциплинарная власть» М. Фуко существенно отличается от классических форм власти, то по характеру подчинения она во многом может быть сведена к третьему «лицу» власти, описанному в работах С. Льюкса.

⁵⁸ В настоящем параграфе термины «культурная дипломатия» и «публичная дипломатия» будут трактоваться в широком смысле слова, пониматься в их широком значении (как направления внешнеполитической активности, ориентированные на формирование общественного мнения за рубежом) и рассматриваться как синонимы. При этом приоритет в употреблении будет

позволяет рассматривать мягкую силу как потенциал культурно-информационного влияния на международной арене, а культурную (публичную) дипломатию – как реализацию данного потенциала в конкретных международно-политических обстоятельствах. Тем самым проблема несовпадения возможностей и результатов в сфере культурно-информационного взаимодействия на международной арене может найти приемлемое терминологическое решение.

К числу ключевых субъектов культурно-информационной активности в сфере внешней политики относятся органы государственной власти, участвующие в осуществлении внешнеполитического курса⁵⁹, а также действующие под их патронатом общественные (формально общественные) организации⁶⁰. Вместе с тем также упоминается о том, что негосударственные акторы, ассоциирующиеся с конкретной страной (коммерческие фирмы, некоммерческие организации, публичные неполитические фигуры и т. п.), обладают собственными ресурсами мягкого внешнеполитического воздействия⁶¹. При этом, если в одних случаях международная культурно-информационная активность вне рамок государственного контроля рассматривается как составная часть культурной дипломатии страны⁶², в других случаях для описания такой активности используются специальные термины, такие как «народная (гражданская) дипломатия»⁶³, «культурный трансфер»⁶⁴ и др.

отдаваться понятию «культурная дипломатия», более широко распространенному в научной литературе, посвященной изучению культурных аспектов Холодной войны.

⁵⁹ Nye J.S.Jr. *Public Diplomacy and Soft Power...* P. 98–100.

⁶⁰ David-Fox M. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union*. New York, 2014. P. 34–46; Голубев А.В., Невежин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е – первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 76–97.

⁶¹ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York, 2004. P. 11–12; Zahran G., Ramos L. *From Hegemony to Soft Power: Implications of Conceptual Change*. *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / I. Parmar, M. Cox (eds.). New York, 2010. P. 12–31.

⁶² Auer C., Srugies A. *Public Diplomacy in Germany*. CPD Perspectives on Public Diplomacy. Los Angeles, 2013. P. 13–16.

⁶³ Mueller S.L. *The Nexus of U.S. Public Diplomacy and Citizen Diplomacy* // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / N. Snow, P.M. Taylor (eds.). London; New York, 2009. P. 101–107.

⁶⁴ Conze E. *States, International Systems, and Intercultural Transfer: A Commentary* // *Culture and International History* / J.C.E. Gienow Hecht, F. Schumacher (eds.). New York, 2003. P. 198–205.

Содержательную интерпретацию научных представлений о субъектах внешнеполитической активности в сфере культуры и информации уместно произвести исходя из положения, согласно которому обязательным компонентом власти является намерение (цель) субъекта по оказанию воздействия на объект⁶⁵. В соответствии с этим к числу субъектов культурной дипломатии следует относить только акторов, имеющих политические цели воздействия на зарубежную аудиторию. Очевидно, что подобные цели характерны прежде всего для структур государственной власти. Вместе с тем очевидно, что негосударственные акторы также играют важную роль в осуществлении культурно-дипломатической активности государства. В связи с этим при изучении соответствующих процессов имеет смысл фиксировать различие между носителями мягкой силы, с одной стороны, и субъектами культурной дипломатии, с другой. К числу носителей мягкой силы следует относить негосударственных акторов, способных оказать культурно-информационное воздействие на зарубежную аудиторию, но, как правило, не имеющих собственных политических целей такого воздействия. Субъектами же культурной дипломатии должны быть признаны те государственные или действующие под патронатом государства структуры, которые используют информацию о носителях мягкой силы для реализации политических целей властного воздействия⁶⁶.

К числу ключевых объектов культурно-информационной активности в сфере внешней политики принято относить массовые слои населения (общество, публику) других стран. Считается, что общественное мнение создает необходимое давление (благоприятный или неблагоприятный фон) для деятельности политической элиты иностранного государства в желаемом для субъекта культурной дипломатии направлении⁶⁷. При этом подчеркивается, что в рамках

⁶⁵ Wrong D.H. Op. cit. P. 2; Ledyaeв V.G. Op. cit. P. 132–155.

⁶⁶ Ненамеренное воздействие носителей мягкой силы на зарубежную аудиторию, осуществляемое вне рамок контроля заинтересованных субъектов, безусловно, заслуживает специального рассмотрения. Вместе с тем, на наш взгляд, в случаях, когда речь идет об изучении внешней политики государства, во главу угла должна быть поставлена именно деятельность субъектов культурной дипломатии (в лице государства и подконтрольных ему организаций) по достижению определенных целей.

⁶⁷ Вопрос о том, способно ли общественное мнение оказать значимое влияние на внешнеполитическую деятельность политических элит страны, является предметом научных дискуссий. См., например: Layne C. *The Unbearable Lightness of Soft Power // Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / I. Parmar, M. Cox. (eds.) New York, 2010. P. 51–82; Nye J.S.Jr. *Responding to my critics and concluding thoughts.*

социума обязательно необходимо выделять целевые группы, более восприимчивые к ресурсам мягкой силы субъекта⁶⁸. Второй тип объектов культурной дипломатии, упоминаемый в научной литературе, – это политическая элита (в ряде случаев потенциальная политическая элита) других стран⁶⁹. Наконец, к третьему типу таких объектов следует отнести представителей зарубежной неполитической элиты – предпринимателей, деятелей науки, культуры, спорта и т. д. Об осознании субъектами культурной дипломатии важности работы с «лидерами мнений» за рубежом говорят, в частности, целенаправленные усилия ряда стран в области образовательных обменов⁷⁰.

Цели внешнеполитического воздействия в сфере культуры и информации, как правило, делятся на общие (непосредственные) и специфические. В качестве общих целей культурной дипломатии рассматривается изменение ценностей объекта, например, изменение уровня восприимчивости к идеям демократии, прав человека и свободного рынка. При этом важным этапом на пути к изменению ценностей объекта считается формирование выгодной для субъекта культурной дипломатии информационной повестки. Специфическими (вторичными) целями культурной дипломатии считается изменение внутренней и внешней политики страны-контрагента, например, получение поддержки той или иной страны при голосовании в ООН⁷¹.

Очевидно, что названные цели мягкого внешнеполитического воздействия могут быть истолкованы как цели подчинения объекта, осуществления власти над ним. В этом случае целями, связанными с получением желаемого результата, следует признать самые общие внешнеполитические устремления государства, зафиксированные в классических теориях международных отношений, – ориентация на обеспечение национальной безопасности и экономического про-

Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / I. Parmar, M. Cox. (eds.) New York, 2010. P. 215–227.

⁶⁸ Nye J.S.Jr. Soft Power: the Means to Success in World Politics... P. 118–123.

⁶⁹ Ibid. P. 100–105; Idem. Responding to my critics and concluding thoughts... P. 118–120; Песцов С.К., Бобыло А.М. Указ. соч. С. 85–87.

⁷⁰ См., например: Цветкова Н.А. Cultural imperialism: международная образовательная политика в годы «холодной войны». СПб., 2007.

⁷¹ Nye J.S.Jr. Soft Power: the Means to Success in World Politics?.. P. 15–18; Idem. Responding to my critics and concluding thoughts... P. 218–220; Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a «Strategic» Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / I. Parmar, M. Cox (eds.). New York, 2010. P. 32–50.

цветания страны⁷², взаимовыгодное экономическое сотрудничество между странами, сокращение числа международных военных конфликтов⁷³. При этом следует помнить, что не всегда изменение поведения объекта культурной дипломатии в желаемом для субъекта направлении, то есть реализация власти над объектом, способствует достижению результата, который субъект хотел бы получить в итоге, – осуществление «власти сделать что-либо»⁷⁴.

Следующим важным аспектом анализа целей культурно-информационной политики за рубежом является соотнесение их с интересами объекта воздействия. В научной литературе этот аспект, как правило, анализируется в рамках «конфликтного» и «консенсусного» подходов к пониманию целей культурной дипломатии. «Конфликтный», прагматический подход получил свое развитие в концепциях культурного империализма⁷⁵, американизации⁷⁶, культурной гегемонии⁷⁷, идеологического экспансионизма⁷⁸, а также в ряде классических определений культурной дипломатии⁷⁹. Акцентирование «консенсусной» составляющей мягкого внешнеполитического воздействия характерно для теории культурного трансфера⁸⁰, а

⁷² Morgenthau H.J. *Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace*. Third Edition. New York, 1961; Waltz K. *Theory of International Politics*. New York, 1979; Wallerstein I. *World-system analysis. An Introduction*. Durham and London: Duke University Press, 2004; и др.

⁷³ Kaplan R. *The Coming Anarchy* // *The Atlantic Monthly*. 1994. Vol. 273. No 2. P. 44–77; Rotfeld A.D. *Introduction. Rethinking the Contemporary Security System* // *SIPRI Yearbook: Armaments, Disarmament and International Security*. 1999. P. 1–12.

⁷⁴ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 15–18; Idem. *Responding to my critics and concluding thoughts...* P. 218–220.

⁷⁵ Carnoy M. *Education as Cultural Imperialism*. New York, 1974; Цветкова Н.А. *Cultural imperialism...*

⁷⁶ Sywottek A. *The Americanization of Everyday Life? Trends in Consumer and Leisure-Time Behavior. America and Shaping of German Society, 1945–1955* / M. Ermarth (ed.). Oxford, 1993. P. 132–152; Schmidt A. *Americanization // United States and Germany in the Era of the Cold War, 1945–1990: A Handbook* / D. Junker (ed.). West Nyack, New York: Cambridge University Press, 2004. P. 635–642.

⁷⁷ Gramsci A. *Selection from the Prison Notebooks* / Q. Hoare, G.N. Smith (eds.). London, 1971; Zahran G., Ramos L. *Op. cit.* P. 21–29.

⁷⁸ Layne C. *Op. cit.* P. 73–74.

⁷⁹ См., например: Barghoorn F.C. *Op. cit.* P. 10–11.

⁸⁰ Conze E. *Op. cit.* P. 198–205.

также для большинства современных подходов к определению публичной и культурной дипломатии⁸¹. Самым очевидным способом интеграции представленных выше конкурирующих способов понимания целей культурной дипломатии следует признать подход, согласно которому цели культурно-информационной активности за рубежом могут носить как дружественный, так и недружественный по отношению к интересам объекта характер⁸². Помимо прочего этот подход обеспечивает возможность корректного соотнесения «конфликтных» и «консенсусных» составляющих мягкого внешнеполитического воздействия в рамках конкретных эмпирических исследований.

Классификация внутренних (непосредственно контролируемых субъектом) ресурсов культурной дипломатии может быть произведена на основе существующих в теории власти представлений об «информационной»⁸³ и «технической»⁸⁴ составляющих ресурсного потенциала субъектов. В связи с этим все ресурсы культурно-информационного воздействия на зарубежную аудиторию могут быть разделены на содержательные и инструментальные.

В числе ключевых содержательных ресурсов культурной дипломатии, как правило, упоминаются потенциально привлекательные для страны жизненные (культурные) и общественно-политические (идеологические) ценности⁸⁵. Кроме того, в научной литературе упоминается о том, что содержательные (ценностные) ресурсы культурной дипломатии транслируются целевым аудиториям с помощью

⁸¹ Bound K., Briggs R., John H., Jones S. Cultural Diplomacy – Culture is a Central Component of International Relations. It's Time to Unlock its Full Potential. London, 2007; Auer C., Srugies A. Op. cit. P. 17–20.

⁸² Leonard M., Stead C., Smewing C. Op. cit. P. 5–10; Nye J.S.Jr. Responding to my critics and concluding thoughts... P. 222–225.

⁸³ Lukes S. Op. cit. P. 22–33.

⁸⁴ Wrong D.H. Op. cit. P. 145–150.

⁸⁵ Nye J.S.Jr. Soft Power: the Means to Success in World Politics... P. 11–15, 33–70; Van Ham P. Place Branding: The State of the Art. Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 126–149; Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? / Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. No 2. P. 147–158; и др. Помимо культуры (как совокупности жизненных ценностей) и политических ценностей Дж. Най относит к ресурсам мягкой силы страны внешнюю политику государства. Вместе с тем, представляется, что политическую активность государства (а точнее, интерпретацию этой активности в ориентированных на иностранную аудиторию культурных и информационных «продуктах») следует связывать не с ресурсной, а с процессуальной составляющей мягкой силы государства.

сообщений (меседжей) и образов⁸⁶. Поэтому теоретическую значимость приобретает проблема логического увязывания друг с другом понятий «ценности субъекта» (как ресурс воздействия), «сообщение», «образ страны» и «ценности целевой аудитории». К сожалению, в работах, посвященных культурно-информационной активности в сфере международной политики, данной проблеме не уделяется должного внимания. Возможно, способы её решения следует искать, используя положения современных теорий социальной и политической коммуникации⁸⁷.

В ряде случаев в научной литературе упоминается о том, что ресурсы жесткой силы (военные и экономические) также могут увеличивать мягкую силу страны через формирование мифов о непобедимости и экономическом превосходстве⁸⁸. Данное положение имеет смысл конкретизировать, указав на то, что ресурсы жесткой силы становятся ресурсами мягкой силы субъекта только тогда, когда информация о них используется в целях культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию (демонстрация военной мощи и экономических достижений страны в кинофильмах, сообщениях СМИ и т. д.).

К числу инструментальных ресурсов публичной дипломатии, как правило, относятся: (а) средства «высокой» культуры – произведения искусства и литературы, возможности науки и системы образования; (б) средства популярной культуры – продукты индустрии массового развлечения (фильмы, популярная музыка и пр.), а также возможности организации различных массовых мероприятий; (в) средства опосредованного информационного воздействия – газеты, журналы, радиостанции, телевизионные каналы, ресурсы Интернета⁸⁹.

⁸⁶ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 11–15; Zaharna R.S. *Mapping Out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks* // *Routledge Handbook of Public Diplomacy* / N. Snow, P.M. Taylor (eds.). London; New York, 2009. P. 86–100; Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 74–100.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 25–30.

⁸⁹ Очень часто в научной литературе ресурсы мягкого внешнеполитического воздействия отождествляются с формами такого воздействия – демонстрацией произведений массовой или элитарной культуры, образовательными обменами и т. д. Вместе с тем представляется, что формы культурно-информационного воздействия на целевую аудиторию уместнее рассматривать в контексте изучения процесса осуществления публичной дипломатии.

Наконец, в числе специфических инструментальных ресурсов культурной дипломатии следует упомянуть технологические навыки субъекта – его способности эффективно организовывать процесс коммуникации с иностранной целевой аудиторией. В работах по соответствующей тематике рассматриваются отдельные технологические аспекты мягкого внешнеполитического воздействия – методики формирования проблемного контента через подбор литературы для иностранных библиотек, важность привлечения внимания целевой аудитории и обеспечения (видимости) достоверности информации⁹⁰, необходимость координации ресурсов и действий субъектов⁹¹. Вместе с тем, очевидно, что для комплексного теоретического анализа данного аспекта ресурсного потенциала культурной дипломатии необходимы дополнительные научные изыскания.

В числе ключевых параметров процесса мягкого внешнеполитического воздействия обычно упоминаются формы (направления) осуществления соответствующей активности, а также интенсивность работы по каждому из направлений.

Формы культурной дипломатии, как правило, выделяются исходя из представления об инструментальных ресурсах, находящихся в распоряжении субъекта. В связи с этим в литературе выделяются различные направления непосредственного и опосредованного воздействия на иностранную аудиторию – демонстрация произведений искусства, выставки хозяйственных и иных достижений, праздники и юбилейные мероприятия, образовательные, научные, культурные, туристические, спортивные обмены⁹², размещение печатных материалов, теле- и радиовещание и т. д.⁹³

В свою очередь, в числе параметров интенсивного культурно-информационного воздействия на иностранную аудиторию, упоминаются (а) общие траты на реализацию целей культурной дипломатии; количество сотрудников ведомств, ответственных за реализа-

⁹⁰ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 44–55, 100–105.

⁹¹ Zahran G., Ramos L. *Op. cit.* P. 18–19.

⁹² Попов А.Д. «Марафон гостеприимства»: Олимпиада-80 и попытка модернизации советского сервиса // *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54. P. 265–295; Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм, 1955–1991. М., 2016; Нагорная О.С. «Если бы не война, советский народ ушел бы теперь далеко вперед...»: Советская мемориальная дипломатия в социалистическом лагере (1949–1989) // *Диалог со временем*. 2017. № 59. С. 100–115.

⁹³ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 107–118; Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг... С. 54–60.

цию таких целей; (б) число электронных СМИ, ведущих вещание на иностранных языках, степень охвата этими СМИ зарубежных целевых аудиторий, интенсивность информационного воздействия электронных СМИ; (в) данные о продажах культурных товаров за рубежом; (г) данные о числе зарубежных визитеров в рамках туристических программ и программ обмена⁹⁴. При этом следует отметить, что интенсивность воздействия на зарубежную аудиторию не всегда сопоставляется в литературе с рассмотренными выше целями культурной дипломатии. Поэтому важным аспектом анализа процесса осуществления культурной дипломатии следует признать информацию о том, насколько интенсивно иностранной аудитории транслировались те или иные культурные и идеологические ценности.

В соответствии с уровнями целеполагания субъекта результаты использования мягкой силы чаще всего подразделяются на общие и специфические. К числу общих результатов относятся формирование выгодной субъекту информационной повестки, а также изменение ценностей объекта. Главным способом измерения общих результатов мягкого внешнеполитического воздействия считаются данные массовых опросов иностранной аудитории об уровне привлекательности страны, ее культуры, ценностей, брендов и политики⁹⁵. В числе дополнительных способов измерения таких результатов упоминается подсчет и оценка публикаций в иностранных СМИ, а также статистические данные о поведении иностранных граждан и фирм (число туристов, объем иностранных инвестиций и т. п.)⁹⁶. К специфическим результатам публичной дипломатии относятся легконаблюдаемые действия других стран в интересах субъекта воздействия (например, предотвращение нападения, охрана границ, защита союзников и т. п.)⁹⁷. При этом возможность установления каузальной связи между использованием мягкой силы и желательными для субъекта внешне-

⁹⁴ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 75–83, 100–105; Nisbett M. *Who Holds the Power in Soft Power?* *Arts & International Affairs*. 2016. URL: <http://theartsjournal.net/2016/03/13/nisbett/> (accessed: 02.10.2016); Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». Русско туристо...

⁹⁵ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 15–18, 35–55; Idem. *Responding to my critics and concluding thoughts...* P. 223–224; Nisbett M. *Op. cit.*

⁹⁶ Харитоновна Е.Н. Эффективность «мягкой силы»: проблема оценки // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 6. С. 48–58.

⁹⁷ Layne C. *Op. cit.*; Nye J.S.Jr. *Responding to my critics and concluding thoughts...*

политическими исходами вызывает у ряда исследователей серьезные сомнения⁹⁸.

В целом, говоря о результатах использования мягкой силы, имеет смысл выделять такие стадии реализации субъектами культурной дипломатии власти над объектами, как изменение информационной повестки, изменение общественного мнения и изменение политики страны-контрагента.

Исходя из анализа научной литературы в ситуационном окружении процесса мягкого внешнеполитического воздействия могут быть выделены несколько значимых компонентов: (а) жесткая сила субъекта, а также деятельность по ее осуществлению (военно-политическая и экономическая дипломатия); (б) значимые для реализации целей субъекта характеристики второй стороны взаимодействия – объекта культурной дипломатии; (в) формальные и неформальные институты – нормы взаимодействия субъекта и объекта.

Вопрос о характере взаимодействия мягких и жестких форм внешнеполитической активности относится в литературе к числу дискуссионных. В ряде работ⁹⁹ гегемония (командное поведение) и согласие (кооптирующее поведение) рассматриваются как взаимно дополняющие друг друга формы осуществления внешней политики. При этом утверждается, что количество мягкой силы не всегда напрямую зависит от количества жесткой силы субъекта. В свою очередь, критики данной позиции исходят из того, что положение стран в системе международных отношений всегда определяется преимущественно объемом располагаемых ресурсов жесткой силы, в то время как мягкая сила является лишь продуктом (проекцией) военного и экономического влияния государства¹⁰⁰. Очевидно, что наличие противоречий в представлении об относительной ценности жесткой и мягкой силы субъекта (и, соответственно, культурной дипломатии, с одной стороны, и военной/экономической дипломатии, с другой) актуализирует необходимость тщательной эмпирической проверки роли данного контекстного фактора в осуществлении мягких форм внешнеполитического воздействия.

Глубокого теоретического анализа проблемы учета второй стороны взаимодействия при анализе мягкой силы, публичной и культурной дипломатии в научной литературе практически не представле-

⁹⁸ См., например: Fan Y. *Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. Vol. 4. No 2. P. 147–158; Nisbett M. *Op. cit.*

⁹⁹ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 25–30; *Idem*. *Responding to my critics and concluding thoughts...* P. 217–219.

¹⁰⁰ Zahran G., Ramos L. *Op. cit.* P. 22–23; Layne C. *Op. cit.* P. 55–57.

но. В работах по интересующей нас тематике можно встретить только самые общие суждения о необходимости «внимания к рынкам», знания того, «какие козыри находятся в руках у соперника», учета «культурных фильтров», воздействующих на то, как другие слышат послания субъекта¹⁰¹. Очевидно, что исследовательское внимание должно быть обращено не только на «объектные» характеристики второй стороны взаимодействия (значимые для реализации мягкой силы цели и ценности объекта), но и на способность объекта оказывать обратное воздействие на субъект с использованием собственных военно-политических, экономических и культурно-информационных инструментов.

Под структурными факторами публичной дипломатии в ряде случаев подразумеваются нормы, которые конституируют и регулируют понятие привлекательности. В связи с этим в качестве структурной власти часто рассматривается власть международных организаций (очевидно, имеется в виду их власть устанавливать «правила международной игры», а также обеспечивать их соблюдение)¹⁰². При этом некоторые международные правила и организации рассматриваются в литературе как ресурсы, помогающие реализации целей публичной дипломатии конкретных стран¹⁰³. Кроме того, очевидно, что помимо многосторонней коммуникации культурно-информационные контакты между странами могут осуществляться и на двусторонней основе. Поэтому на данный аспект ситуационного окружения публичной дипломатии следует также обратить самое пристальное внимание.

На основе изложенной выше информации целостное представление о культурно-информационных аспектах внешней политики с использованием эвристического потенциала теории власти может быть сформировано на основе следующих взаимосвязанных компонентов: 1) понимания того, как соотносятся объем и содержание понятий «мягкая сила», с одной стороны, и «культурная/публичная дипломатия», с другой; 2) представления о том, кто является субъектом и объектом внешнеполитической активности в сфере культуры и информации; 3) знания об иерархии целей, типах ресурсов, а также об основных формах и параметрах интенсивности мягкого внешнеполитического воздействия; 4) понимания того, с использованием каких критериев следует оценивать результаты внешнеполитических уси-

¹⁰¹ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 1–5, 107–118.

¹⁰² Layne C. *Op. cit.*; Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 99–108.

¹⁰³ Nye J.S.Jr. *Soft Power: the Means to Success in World Politics...* P. 10–11.

лий государства в области культуры и информации; 5) представления о ключевых компонентах ситуационного окружения, способных повлиять на процесс использования мягких способов осуществления внешней политики. В целом рассмотренные в настоящем параграфе ключевые положения теории власти следует признать эффективным эвристическим инструментом, позволяющим упорядочить разрозненные знания о культурно-информационных аспектах внешней политики, создать надежный теоретический фундамент для эмпирических изысканий по соответствующей проблематике.